

Т.А.К

МатриСарго

Книга 1

Т.А.К

МатриСарго. Книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29802662

ISBN 9785449042033

Аннотация

Молодая девушка едет в гости к сестре, которая живет за границей. В советское время трудно было выехать за рубеж, поэтому ей хотелось увидеть всё своими глазами, а затем поделиться своими впечатлениями. Но маршрут её «надежд и мечтаний» резко меняется. В аэропорту её встречает муж сестры, а дома их ждет сестра с дочкой – объятия, смех и подарки. Неожиданно все рушится, и она остаётся в чужой стране без документов и знания языка. В чужом городе она случайно встречает незнакомца и просит о помощи.

Содержание

Часть 1	5
I	5
II	7
III	12
IV	21
V	25
VI	34
VII	38
VIII	42
IX	50
X	54
XI	60
XII	65
XIII	71
XIV	75
XV	81
Конец ознакомительного фрагмента.	83

МатриСарго

Книга 1

Т.А.К

© Т.А.К, 2018

ISBN 978-5-4490-4203-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Я прилетела в сказку

I

Я сидела в самолёте, смотря в иллюминатор: внизу показались игрушечные домики и маленькие автомобили – самолёт пошёл на посадку. Я прилетела в Данию! Странно, я никогда не думала об этой стране и не знала, что когда-нибудь прилечу сюда. Да, я мечтала побывать в Венгрии, в Польше, в ГДР, туда уехали мои подруги, но в Данию... капиталистическую страну – никогда!

Дания – страна Снежной королевы, сколько раз мы смотрели этот фильм, а мои любимые сказки Андерсена, а многие из них мы считали своими. На каком языке говорят тут... английский?... что, у них свой, датский язык?... Интересно, какой он. Швеция – да, смотрели фильм «Интердевочка», немцы – мы их знаем, но Дания – кто они, датчане, какие они?... Как мы?... Как американцы?

Сказочное королевство – Датское королевство, у них ещё королева?... Но ведь это только в сказках. Они остались в том сказочном времени? Моё сердце сейчас выпрыгнет из груди, меня охватила тревога радости, нового необычного ощу-

щения. Сейчас откроется дверь в новый мир капиталистической страны!.. Какой он, как меня встретит, что меня здесь ждёт?.. Конечно, я прилетела за счастьем так далеко от родного дома, как птица пересекла просторы гор, рек, лесов. Я прилетела в сказку найти своё счастье, не зная, что оставила его в родных стенах дома, я улетела от времени, в котором жила: от родительской любви, от друзей, от привычного уклада жизни, от повседневных мелочей радости, от себя. Я не знала, что этого будет не хватать: привычного воздуха, наполненного ароматами трав, слепящего солнца, улыбок друзей, дневных забот, печальных вечеров, красивого заката, песни жаворонка, кружившегося в голубом безоблачном небе, привычных звуков родного языка, любимых мелодий той жизни, в которой я выросла. Я улетела в другую жизнь... в другое время... думая, что старое возьму с собой. Я улетела ненадолго, чтобы вернуться опять и окунуться в мягкую любимую атмосферу, что окружала меня, и не вернулась... и стала другой... и потеряла то, что оставила... улетела в океан другой жизни и не вернулась...

II

Молодой офицер остановил меня для осмотра моего багажа. Я с улыбкой посмотрела на него.

– Говорите по-английски, по-немецки? – спросил меня учтиво таможенник.

– Я не понимаю, – ответила я по-русски, и в минутном молчании мы смотрели друг на друга. Мой английский, который я усердно учила в школе и продолжала совершенствовать на разных курсах, почему-то внезапно выветрился у меня из головы, и, кроме выученного урока «Лондон – столица Англии», я ничего не могла припомнить в этот момент.

– Это ваш багаж? – спросил он, стоя в красивой униформе и перчатках.

Я поняла, что меня спрашивают, и раскрыла свою сумочку, в которой кроме документов было много прочих «необходимых» мелочей, как и в любой женской сумочке: помада, зеркальце, носовой платочек и т. д.

– Сколько у вас сигарет? – спросил он меня и показал рукой на пачки сигарет, что были разбросаны среди моих личных вещей в большой спортивной сумке, стоявшей перед ним.

Я начала поспешно их считать и вынимать из сумки, но он остановил меня и спросил, есть ли ещё сигареты в других вещах. Я развела руками и покачала головой, что означа-

ло – нет.

– Что это? – спросил он и показал мне на большую кладь, связанную поперёк ремешком.

Так как я не могла ответить, то показала руками, сложив две ладони вместе и приложив к щеке, как это делают маленькие детки перед тем, как засыпать. Он удивлённо посмотрел на меня, не понимая и подумав, наверное: зачем в Данию везти постель, чтобы спать, если едешь в гости? Затем помял руками в нескольких местах и пропустил меня, недоумённо смотря вслед. Ну как мне объяснить, что я везла красивое пуховое одеяло из дома, дорогую для нас вещь, моей младшей сестрёнке в Данию, чтобы, когда она укрывалась, приятное тепло родного дома окутывало её в ночных сновидениях. Я вышла в зал и стала оглядываться по сторонам.

– С приездом тебя! – муж моей сестры подошёл ко мне улыбаясь. – Ну, как добралась? – спросил он с лёгким акцентом.

Плотного телосложения, невысокий и уже к своим 30 годам немного располневший: его кучерявая шевелюра когда-то делала его привлекательным парнем, но ещё осталось со стороны висков напоминание о ней, а его чело постепенно продлило свою «глубину ума» на полголовы, может, от чрезмерных посещений занятий вуза, но каре-зелёный цвет глаз на фоне смоляных волос оставался неизменно гламурным, как и в студенческие годы.

– Спасибо, рада тебя видеть, – радостно ответила я, и мы поздоровались за руку. – Давно не виделись! Как вы здесь? – спросила я, продолжая глазами искать сестру.

– У нас всё хорошо, а Оля дома нас ждёт, – догадавшись по моему возбуждённому взгляду, сказал он, рассеяв моё волнение.

– Ах... Так соскучилась по всем, а куда мы сейчас едем, далеко вы живёте? – спросила я.

– Сейчас увидишь, э... Нужно ехать ещё на поезде, э... Мы живём на Ютландии, – отвечал он врасстяжку, как будто с трудом подбирая нужные слова. – Сколько багажа! Как ты это всё довезла? А сигареты привезла тоже, как я просил?

– Сама не знаю, как всё тащила, – ответила я смеясь. – Это всё вам родители передали. Вот эту коробку не смотрели, – показала я рукой в сторону рядом стоящей коробки, – только некоторые вещи проверили. А зачем тебе сигареты, здесь что, их нет? Оля мне по телефону быстро сказала, уже в конце разговора, а переспросить я не успела, нас отключили.

– Здесь сигареты очень дорогие, а там у вас дешевле.

– Так надо было больше взять тогда.

– Нет, заберут и ещё заставят штраф заплатить.

– Да? Какие странные... А какая разница...

– Какая тяжёлая коробка! Что там? – спросил он, поднимая большую коробку, перевязанную шпагатом.

– Это вам подарки, осторожно, не урони! – с улыбкой ответила я.

Мы вышли на улицу и подошли к большому автобусу. Вокруг всё было необычно, мне показалось, что мы попали в цветное кино – да... Цветное!.. Всё было красочным вокруг и находило отклик в моём подсознании, настроенном на яркие тона.

Мы сели на заднее сиденье в автобусе: вокруг было чисто, новые сиденья, вежливый водитель в форме. Я стала с жадностью смотреть в окно – это ведь был мой первый выезд в капиталистическую страну. Автобус шёл плавно и мягко, не тархтя по ухабам дорог. Мы ехали по узким улочкам, в окнах мелькали красочные маленькие домики красных, коричневых тонов, с красивыми, как новыми, крышами, что было непривычно для глаз после серых многоэтажек и больших проспектов. Какая маленькая, словно игрушечная страна, всё как будто нарисовано – как на картинке, так здорово!

Вокзал – я всматривалась в прохожих, в их лица. На скамейке сидела пожилая женщина в светлом потёртом пальто, в странных кроссовках и старой вязаной шапочке. У неё был опустошённый взгляд, она смотрела перед собой, держа в руках бутылку пива. «Наверное, бездомная», – подумала я.

– Я думала, здесь все живут хорошо, – сказала я Рамизу, кивком головы указав на эту женщину.

– Здесь всякие есть, – на ходу ответил он и, стараясь не задерживаться, быстро пробиравшись к перрону сквозь толпы пассажиров.

Мы сели в вагон, и поезд тронулся, я отодвинула шторку

и стала смотреть в окно. Мне было всё интересно, мне всё хотелось потрогать руками, как маленькому ребёнку, который видит что-то впервые; через некоторое время в окнах вагона я увидела море и корабли.

– Мы сейчас поплывём, нам надо выходить? – спросила я его.

– Нет, можем оставаться в поезде, – ответил Рамиз.

– А как? – недоумённо спросила я.

– Поезд въедет на паром... Э... Мы поплывём, э... Там можно выйти на палубу, – медленно, растягивая слова и с видом всезнающего, важно ответил он.

Я стала пристально всматриваться в окно, стараясь не пропустить ни одной детали; не выходя из поезда, мы поплыли на большом пароме. «Вот здорово!» – подумала я. Мы вошли в огромный зал, вокруг было много людей, я обратила внимание на школьников, которые сидели на полу, что было очень непривычным для меня. На них была яркая одежда, а у одной девочки были разного цвета носки. Они сидели, смеялись и шумно разговаривали между собой. Вокруг были небольшие магазинчики, кафе, везде стояли столики, удобные мягкие диванчики. Можно было сесть у иллюминатора и смотреть на море, которое напоминало зеркало, отражающее голубое небо.

Всё ярко и празднично отражалось в моём восприятии – этой новой для меня и необычной по своему укладу страны.

III

Поезд плавно шёл по рельсам, под стук колёс в окнах вагона проносилась панорама – рапсовые поля в цветении... старая ветряная мельница... хутора с треугольными крышами... небесная синева. Жёлтым, синим и зелёным соцветием встречала меня Дания – солнечным благополучием и красотой.

– Следующая остановка Фредерисия, – прозвучал голос.

Мы вышли на перрон и взяли такси. Чёрный «мерседес» распахнул свою дверь, и из неё вышел в тёмно-синей форме водитель, и, приветливо поздоровавшись с нами, он открыл нам с Рамизом дверцы такси, затем взял мой багаж и сам положил его в багажник.

– Рамиз, ты можешь позволить себе такси? – спросила я его на ходу, садясь в такси.

– Вдвоём на автобусе, ещё с таким большим багажом, будет не дешевле, – ответил он, и, удобно усаживаясь на переднем сиденье рядом с водителем, он сказал ему адрес.

Такси подъехало к многоэтажному дому, мы вышли на улицу.

– Вы живёте в этом доме? – спросила я, пока Рамиз расплачивался с таксистом.

– Да, на самом верхнем этаже, – сказал он и поднял голову вверх, затем посмотрел на мои вещи, которые таксист стал

доставать из багажника. – Лифта нет, на пятый этаж будем подниматься сами, – произнёс он и сделал выдох, как атлеты перед стартом на спортивных дорожках.

Стоя напротив двери, я сдерживала дыхание, моё сердце громко билось, отдавая в висках. Сейчас откроется дверь, и я увижу мою маленькую Танюшу. Повернулся затвор в замке, и вот... объятия сестры, радость встречи, вопросы, ещё раз вопросы... Моё солнышко стоит и недоумённо смотрит своими большими глазками.

– Кто приехал, кто это? – спросила сестра, держа её за ручку и показывая на меня.

– Какая ты большая уже, как выросла! Ты меня узнала? – Я взяла её на руки и крепко прижала к себе. Наконец-то мы встретились!

Она посмотрела на меня и улыбнулась, потом, проведя своей маленькой ладошкой по моим волосам и убедившись, что я настоящая, она обняла меня снова.

– А что тебе Марина привезла? Давай быстрее посмотрим. Рамиз, помоги мне, пожалуйста, развязать этот большой узел, – я показала на кладь, напоминавшую скорее мешок, перетянутый в нескольких местах бечёвкой и посередине лямкой, чтобы удобнее было нести поклажу и не впивалось в руку. Рядом с одеялом, свёрнутым магическими усилиями папы в несколько слоёв, был плотно упакован игрушечный медведь. Я важно взяла плюшевого мишку и протянула в её маленькие ручки. Мишка был больше неё, он

был просто огромный. Она обхватила его обеими ручками и попробовала поднять, потом потянула его по полу в другую комнату. Все дружно рассмеялись.

– Всё, теперь она будет с ним спать! Где ты его купила, у нас или в Москве? – спросила Оля.

– Ох, не говори – в нашем городе, просто повезло в тот день, но мы с мамой больше переживали, как его к вам привезти и в самолёт пустят или нет, хорошо, папа всё упаковал, – ответила я и с облегчением вздохнула, что всё позади. – Нужно домой позвонить и сказать, что я хорошо доехала и уже у вас, – попросила я Олю.

– Сейчас уже поздно, мы завтра закажем переговоры, – ответила сестра.

– А сейчас нельзя? А то они будут переживать.

– Там всё равно у вас ночь уже.

– Ну ладно, тогда рано утром позвоним, – сказала я, но сама ничего не могла поделать, и на душе было немного неспокойно.

– А это вам, – я достала шёлковое пуховое одеяло, развернув его и разбросив концы – красными отблесками заиграли цвета на шёлке от вечерних бликов заходящего солнца.

– Э... Хорошо, что привезла, такие одеяла, э... здесь очень дорогие, – отметил Рамиз и подошёл разглядеть поближе.

– А это вам от мамы и папы, – сказала я, протянув им чайный сервиз, который мы покупали с мамой. – Довезла,

не разбился, – обрадованно сказала я, и, взяв одну из чашечек, я стала поворачивать её в разные стороны, показывая игру света в золотистых узорах на белом фарфоре и ожидая, какой эффект произведёт это на них.

– Спасибо, я поставлю его на кухню и сегодня чай попьём из него, – проговорила сестра.

– А в сервант не поставишь? Всё-таки из родных краёв, – заметила я полушутливым тоном.

– Я сама знаю... Посмотрим, здесь посуды полно, – с прохладой ответила Оля.

– Рамиз, лично тебе от папы, – я протянула ему знаменитый бальзам «Тянь-Шань», настоящий на травах, в сувенирной бутылке с национальным орнаментом.

– О... Это надо попробовать! Это хороший подарок!

– Поставь в сервант, когда гости придут, поставим на стол, – вставила своё слово сестра.

– Э... Я сам решу! – громко ответил он. – Вот сейчас и попробуем, гости уже приехали, – перешёл он на шутливый тон.

– Чешский хрусталь из нашего дома, – с удовольствием объявила я, доставая набор фужеров и ваз из большой коробки. Тут в комнату заглянуло маленькое личико.

– Это кто там такой стоит? – игриво спросила я Таню. – А это Танечке, – доставая красивое белое платье с вышитыми детскими узорами в голубых тонах, я протянула ей. – Давай, моё золотце, примерим – это тебе от бабушки и дедуш-

ки.

Она подошла ко мне, аккуратно взяла платье из рук и снова убежала в свою комнатку, сестра пошла за ней следом; через некоторое время из комнаты Таня вышла в новом красивом платье!

– Ну как, подошло тебе платьице? – спросила я, примерив взглядом, как сидит платье на Танечке. – Бабушка на вырост брала и переживала, чтоб оно ей не мало было, – сказала я, посмотрев на сестру.

– Чуть-чуть большеватое, – ответила сестра.

– Так это ничего, сейчас подкорректируем, – сказала я. – Иди сюда, Танечка, сейчас заново тебе завяжем пояс бантом, вот... А теперь попышней поправим оборки. Теперь в самый раз, ну-ка покажись!

– Смотри на меня... Смотри... Я кружусь...

– Танюшка, не закружись, а то сейчас упадёшь, – сказала я смеясь.

– Смотри, как всё кружится... Смотри, Марина! – белоснежные оборки в три яруса закружились... как Дюймовочку то закрывая своими лепестками, то раскрывая... Белый атласный бант лентами кружился в такт с маленькой девочкой – с миндалевыми зелёными глазами и чёрными локонами она была очаровательной.

– Красиво! Очень красиво! – со всех сторон раздались голоса.

– А что нужно сказать? – спросила сестра и подошла

к дочке, остановив её за руку. – Спасибо, забыла?

– Иди ко мне скорее, золотце ты моё, – позвала я и раскрыла ей свои объятия.

Она бросилась ко мне и, обхватив мою шею своими маленькими ручками, радостно поцеловала меня в щёчку, потом снова взяла свою новую игрушку – мишку – и побежала к себе в комнату, держа его за одну лапу и волоча по ковру.

– Сколько радости! А мама с папой не видят, как она обрадовалась их гостинцам! Ну ладно, вы пока здесь подарки посмотрите, а я пойду приму душ после дороги, – сказала я, вырвав свободную минутку, чтобы привести себя в порядок.

Открыв дверь в ванную, я почувствовала, как на меня пахнуло свежестью – из форточки дул морской ветер. Я подошла к маленькому окошку, в котором виднелось море, это так непривычно было для глаз – всё было другое. Так началось моё знакомство с местным ландшафтом – начиная с ванной комнаты.

– Мама звонила, я сказала ей, что ты доехала нормально, – передала сестра.

– Ой... А что ты меня не позвала?

– Она только на три минуты позвонила, от вас же дорого за границу звонить. Завтра перезвоним ей.

– Хорошо, главное, они знают, что всё нормально со мной, и не будут переживать, а то мама глаза ночью не сомкнёт, я-то её знаю, – ответила я, и у меня отлегло на душе после маминого звонка.

– Такая маленькая кухня? – заметила я с удивлением, войдя в совсем небольшую комнату.

– У них только готовят на кухне, а кушают в зале, – пояснила сестра.

– Как удобно здесь, по бокам стоят столы, и снова через балконную дверь – море, как красиво! – Я прошла в другие комнаты. – Какая хорошая квартира с видом на море. Вот это страна-сказка! – сказала я, с восхищением выразив свой взгляд.

– И детская комната отдельная есть, – сказала сестра. – Пойдём покажу.

– У Танюши своя комната? Какая прелесть! – В светлой просторной комнате стоял шкафчик с игрушками и детская кровать.

– Танечка, покажи Марине свои игрушки. Это твои куклы? А кто здесь спит? Это Таня здесь спит? – рассматривая её комнату, я держала её за ручку.

– А сколько Танечке лет? Покажи мне на пальчиках, – попросила я и нагнулась к ней, подняв её ручку вверх.

– Три!!! – громко крикнула она и показала три пальчика на руке.

– Молодец! – почти в один голос мы произнесли с сестрой и похлопали ей в ладоши. Она засмушалась и побежала к папе, продолжая держать три пальчика вверх.

– Как она подросла. Мама с папой так скучают по ней, – сказала я, глядя ей вслед. – Они помнят её маленькой, когда

вы уезжали, почти год не видели.

– Мы скоро опять приедем, я уже соскучилась по дому.

Я присела на кровать и обвела комнату взглядом.

– Такое всё красочное и яркое, – сказала я, – а у нас в детстве всё было однотонное, и белые пододеяльники, как я помню.

– Я сама выбирала обои и шторы с детским мотивом, – похвасталась сестра.

– Какая красивая и уютная детская!

– Мне нравится, что у нас во всех комнатах ковровое покрытие, очень удобно, когда в доме маленький ребёнок.

– Только странная планировка здесь. Когда заходишь к вам, то сначала идёт спальня, а потом зал.

– Да, мне тоже это не очень нравится, и поэтому дверь в спальню приходится всегда прикрывать, а то если кто придёт...

– А так по нашим меркам шикарная квартира, – сделала я комплимент. – Так вы ещё ведь не работаете с Рамизом?

– Мы ходим на курсы датского языка, в этом году закончим. Пойдёмте к столу, а то вы с Рамизом с дороги и, наверное, проголодались.

Мы все прошли в зал, где на столе ждал нас вкусный ужин – еда была необычна на вкус, в вазе лежали фрукты, которые я видела впервые... Потом были разговоры, разговоры...

Я совсем не чувствовала усталости от тяжёлой дороги,

от недосыпания доброго времени суток: сначала самолёт, потом поезд, паром. Во мне всё горело и билось, энергия шла через край – всё было ново и необычно!

IV

На следующий день мы пошли в парк и прогуляться к морю. Я нарядно оделась, а Танечка надела новое красивое платье, которое я ей привезла. Сестра достала из шкафа голубую шляпку для неё. Белый атласный бант на платье и голубая шляпка с белыми розочками на полях прекрасно гармонировали с её зелёными глазками и чёрными кудрями, подчёркивая её милое личико с розовыми щёчками. Мы вышли из дома, непривычный ветер развевал волосы, во дворе не было шумной детворы.

Мы шли по набережной, Танечка ехала впереди на велосипеде, за ней еле поспевал Рамиз, а мы с сестрой не торопясь шли сзади, но старались не отставать.

Взору открывались просторы залива с белыми мостами. На другом берегу среди зелени расположились красивой планировки виллы, мимо проплывали яхты с белоснежными развевающимися парусами на ветру, серебристые чайки кружились над морем на фоне лазурного неба, а белые перистые облака красиво отражались в морской синеве, соприкасая небо и море на горизонте.

Мы подошли к берегу. Удивительно было смотреть, как дикие утки подплывали со всех сторон, а рядом стояли прохожие и кормили их хлебом, бросая кусочки в воду.

– Таня, покорми уток, – сказала сестра, доставая из ме-

шочка кусочки хлеба, оставшиеся после завтрака.

– Осторожно, не упади, – сказала я с улыбкой и взяла её за ручку.

Танечка внимательно смотрела, как уточки пёстрой окраски подплывали к ней, вытягивая свои блестящие темно-зелёные шейки, они крякали, раскрывая свои охристые клювы, и, плескаясь, разбрызгивали вокруг себя воду.

– Уточкам дай хлебушка, – я посмотрела на неё. – Ну, кидай уточкам! Ты что, сама кушаешь? Это же уткам! – сказала я смеясь. – Позови их: ути-ути-ути...

Таня крепко держала в руке кусочек горбушки и тихонько откусывала её, наклонив немного свою головку, думая, что другие не заметят, как она вкусно жуёт корочку хлеба.

– Танюшка, давай отломаем кусочек и бросим уточкам, – но, ещё крепче зажав в руке хлебушек, она помотала своей головкой.

– Сейчас другой достану, сами покормим, – сказала сестра и достала ещё хлеба.

Рамиз, отломив половину, бросил её в воду и что-то негромко сказал на своём языке. Таня, посмотрев на папу, тоже бросила оставшийся в руке хлеб.

Плоскими клювами утки начинали выхватывать друг у друга крупные крошки хлеба, а чайки, резко меняя свой курс полёта, ухватывали свою добычу в виде размокших кусочков, плавающих на поверхности, и снова взлетали вверх.

«Дикие птицы – Зелёные с бархатисто-фиолетовым отливом... их синие блестящие „зеркальца“ опухал отражались в морской глади... обрамлённой морской пеной... усыпанной брызгами синего моря».

Рядом был расположен маленький парк с детскими качелями, окружённый кустами диких роз – цветы благоухали и ослепляли глаза своей красочностью, отражая солнечные лучи, запахи роз и моря перемешивались в сочетании птичьих голосов. Рядом стоял небольшой вольер, где было множество попугайчиков.

Над обрывом стояла красивая белая беседка в старинном стиле, а напротив была просторная лужайка, на которой сидели и отдыхали люди. Было очень тихо, спокойно и непривычно после шумного города с его быстрым ритмом жизни. Напротив был расположен небольшой природный парк: высокие многолетние деревья, заросли кустарников, дикие ягоды ежевики и земляники, полянки лесных цветов. Когда попадаешь в этот небольшой лесок, создаётся ощущение, что попал в другую атмосферу – с моря в лес.

«...Где кроны больших деревьев закрывают небо и солнце... как будто время плавно замедлило свой ритм и природа подарила тебе лесную тишь на какое-то мгновение в твоей жизни... и только шелест листвы провожает тебя... идя за тобой по лесной тропинке... где встречают тебя – Гра-

циозные олени с ветвистыми рогами, воспетые в сказаниях и олицетворяющие собой благородство и красоту».

После прекрасно проведённого дня пришла приятная усталость. Все пошли спать после ужина, а я осталась в зале. Мне очень хотелось посмотреть телевизор, где много каналов разных стран – после наших трёх каналов местного телевидения. Необычный контроль в руках, нажатие на кнопку, и каналы стали плавно меняться один за другим. Ночь... За окном темно... А по телевизору продолжают передачу, а у нас в 12 ночи новости и «Спокойной ночи, малыши», то есть всем. А здесь пожалуйста, не хочешь спать – смотри и наслаждайся.

Несмотря на усталость, я упорно смотрела телевизор, стараясь не упустить возможность посмотреть именно ночные программы. Мне казалось, что я увижу суперфильмы, суперпередачи, и каково было моё разочарование, когда стали показывать старые фильмы 20-летней давности. Но были и другие интересные передачи.

V

– Сейчас к нам придут гости, только что позвонили Рамизу, – сказала мне сестра.

– Хорошо, что предупредила, пойду оденусь приличней, а то я в своём домашнем халате, – ответила я ей.

– Зачем ты его из дому везла? Тут в таких халатах не ходят.

– Да... Разве? Как интересно. Тогда что бы мне надеть? – задумалась я вслух и мысленно перебрала свой гардероб: из своих личных вещей-то я с собой почти ничего не взяла – я же ехала к родной сестре, да ещё много места в багаже заняли подарки.

– Надень кофточку, которую я тебе подарила.

– А я её в сумку положила и даже этикетку ещё оставила.

Привыкла новые вещи только на выход.

– Вот как раз на выход и наденешь, – с улыбкой сказала сестра.

– Спасибо тебе ещё раз за подарок, – сказала я и поцеловала её в щёчку, потом достала эту кофточку и прикинула на себя перед зеркалом – цвет такой ярко-синий или, скорее всего, цвет морской волны. – Просто прелесть! – сказала я с восторгом, оценивающе крутясь перед зеркалом. «Хотя до этого я носила только в розовых и бирюзовых тонах», – подумала я про себя.

В дверь раздался звонок, Рамиз пошёл открывать: в дверях показались молодой человек с девушкой.

– Гуд дау! – громко поприветствовала меня девушка податски, проходя в коридор. – Яй хедэ Лиллиан, – она протянула мне руку. Я улыбнулась, протягивая ей свою руку, и посмотрела на сестру.

– Добрый день! Меня зовут Лилия, – перевёл мне Рамиз, стоявший рядом.

– Марина, – ответила я, и мы обменялись пожатием рук.

– Анвар, – представился другой гость. Он был на голову выше Рамиза, и светло-каштановые волосы обрамляли его жгучие карие глаза.

– О... По-русски! – воскликнула я от неожиданности. – Марина, очень приятно.

– Это мой двоюродный брат, – представил брата Рамиз.

– Наши папы были родными братьями, – пояснил Анвар свою родственную связь.

– Были? – переспросила я.

– Нет, и сейчас есть, просто немного русский подзабыл, – смутился Анвар.

– Э... Проходите, пожалуйста, – предложил Рамиз гостям, пропуская их вперёд себя.

Все прошли в зал. Сестра предложила всем сесть на большой полукруглый кожаный диван, повидавший виды на своём веку, но считавшийся по сей день престижным для нашего сознания и как степень благополучия. На столике стояли

яблоки и апельсины с бананами в красивой вазе для фруктов, орешки, печенья в маленьких вазочках. Рамиз принёс горячий кофе, приготовленный по-восточному в маленьких чашечках – аромат кофе с кардамоном быстро заполнил пространство и восхитил очаровательную обстановку общения вокруг нас.

Я сидела напротив Лиллиан – это было моё первое тесное знакомство с представителем этой страны. Лиллиан была выше на голову своего суженого – блондинка с нордическими чертами лица и шикарных размеров своей женской красоты.

– Это тебе, Лиллиан, а это тебе, Анвар, – сказала я, протягивая им сувениры, привезённые с собой специально для такого случая, – статуэтки девушки и парня, одетых в азиатские национальные костюмы.

– Так, – ответили они почти одновременно и стали рассматривать сувениры, которые были куплены в нашем универсаме ЦУМ.

– «Так» – это что, по-датски «спасибо», что ли? – спросила я наугад.

– Да, – ответила сестра.

– Надо же, как интересно, мы тоже говорим «так», только в другом значении.

– Вы русская из России, из какого города... из Москвы? – вдруг спросила меня Лиллиан и перевела взгляд на Анвара. Он, сосредоточившись, стал переводить мне, но не успел открыть рот, как Рамиз поспешно ответил ей и тут же перевёл

мне, делая это синхронно. Анвар всё так же сидел с открытым ртом, всё же успев издать первый звук.

– Я из Советского Союза! – радостно заявила я. – Мой родной город находится в Средней Азии. А почему все говорят «Россия», и в аэропорту тоже? – повернув голову к сестре, спросила я.

– Потому что вы все говорите по-русски, – ответил мне Рамиз.

– Ну так что? Они разве не знают, что у нас много республик, где говорят на разных языках.

– Вы для них все русские. Кстати, я был там, у вас в Москве, – сказал неожиданно Анвар, – мне очень понравилось там.

– Правда?

– Он мой однокурсник тоже, – уточнил Рамиз, – вместе учились у вас там.

– Так ты, Анвар, у нас тоже учился? – я обратила свой взгляд в сторону Анвара. – А я думаю, откуда ты русский язык знаешь... Теперь ясно.

– Нас много здесь, – ответил Анвар.

– Весь факультет, можно сказать, сюда рванул, – шутливо выдала Оля.

– Да... – протянуто произнесла я, и при этой фразе всплыло в памяти...

...Я сидела в самолёте – сейчас взлетит самолёт, и под окнами окажется Москва-столица. Как на картинке, будут ма-

ленькие автомобили ездить по дорогам. В салон вошёл парень и встал в проходе: «Смотри, братан, мы куда летим? В Данию вроде. А самолёт весь „чёрный“. Может, мы рейс перепутали?!» Кто-то из пассажиров громко ответил: «Ты потише, здесь все понимают русский!» Я оглянулась: действительно, вокруг меня – ни одного европейца. Странно, когда я летела из Азии в Москву, то весь самолёт был забит иностранцами и кругом слышалась английская речь, а теперь я лечу в Данию, и... Удивительно!!! Но мне было как-то стыдно за этого парня: он ещё не выехал за пределы Родины, а уже успел её опозорить, да я и сама из Азии. Но парень извинился, просто вырвалось у него, но действительно странно...

– Кто в Швецию, а кто в Германию, ну, в общем, у кого где родственники уже были, туда и подались, – договорил Анвар. – У меня здесь уже старший брат был как пять лет, а у других дяди и тётки.

– А другие из Польши сюда приехали, наши там тоже учились, – добавил Рамиз.

– У тебя там ведь сестра учится? – спросила я по памяти.

– Она в Швецию сейчас уехала, там будет устраиваться.

– Да? – спросила я и подумала про себя: «А почему не вместе?»

– Здесь пара месяцев, и выдают жительство! – громко заявил Рамиз.

– Так быстро? А как же язык?

– Обычно надо ждать два года, но так как мы без гражданства... то...

– А почему у нас не остались? – спросила я и с любопытством взглянула на них, как бы со стороны.

– Вы неправильно живёте! – вдруг ни с того ни с сего выдал Рамиз.

– Как неправильно?.. Почему неправильно? – в замешательстве спросила я и опешила. – Ну... Да, – сказала я, непонятно зачем для самой себя, вроде как согласившись с ним, и почувствовала какое-то внутреннее сопротивление. «Правильно жить в разваленных хижинах среди обломков камней» – пронеслась в моём сознании фотография... фотография с его домом: он подарил нам на память, когда приезжал познакомиться с нашей семьёй.

– А у вас там долго ждать надо... А здесь всё быстро... И... Нас здесь много, – Анвар посмотрел на Рамиза и улыбнулся широкой улыбкой.

– Ага... – только и смогла я сказать, потом посмотрела на Лиллиан и улыбнулась ей. Она молча смотрела на нас и ничего не понимала, о чём мы говорим, но Анвар тут же исправился и начал медленно переводить ей наш разговор, при этом активно жестикулируя руками.

Я прошла на кухню вслед за сестрой, она заваривала чай для нас двоих. Чайник уже закипел, и пар струйкою поднимался вверх, затуманивая слегка окно. На подносе стоял чайный сервиз – наш подарок из дома.

– Вот предложим гостям чаю испить, заодно и сервис наш покажем, – сказала я обрадованно.

– Здесь обычно кофе пьют, – ответила сестра.

– Оля, а вы их не будете кормить, только кофе и фрукты? – спросила я.

– Здесь так не принято, как у нас.

– А мне как-то неудобно, что гости пришли и вы их не угощаете. У нас просто так кофе не поставишь – считают негостеприимными хозяевами, – сказала я с ноткой иронии в голосе. – А ты, кстати, не говорила, что у него двоюродный брат здесь и сестра тоже.

– Почему не говорила, рассказывала вам про его родственников.

– Ты говорила, что у него много братьев и сестёр, и они все живут у себя на родине... Сестра вроде в Польше учится... А оказывается...

– Да они там все братья и родственники между собой, по-ди разбери, кто есть кто, – пробурчала сестра, ставя чашки для чая на поднос.

– А ты что не в настроении?

– Ты надела кофту без рукавов, это неприлично! – сделала мне замечание моя младшая сестра. – Рамиз сказал мне, – добавила она.

– Как это? Что ты такое говоришь? Я не понимаю тебя, мы же так одеваемся! И вообще, я же приехала в Данию, а не в...

– Рамиз сказал, что у нас дома так нельзя, чтобы так ходить, – перебила сестра.

– Здравсьте, я ваша тётя! Это же ваш подарок!.. Сама же предложила!.. И если мне память не изменяет, мы вроде не говорили Рамизу, в чём ходить у нас, когда он к нам гости приезжал, мы же его гостеприимно встретили, – вспыхнув от возмущения, резко ответила я. – Я считаю, что гостям неприлично делать замечания, как они одеты, по крайней мере, у нас это не принято.

Гости разошлись, и мы принялись с сестрой убирать со стола. Танечка, утомившись за вечер, уже лежала в кровати у себя в детской. Я подошла к ней, подтянула одеялко повыше и поцеловала её в щёчку. Рамиз включил телевизор и, удобно расположившись в кресле, смотрел телевизор. Я пошла на кухню помочь сестре помыть посуду.

– Смотри! Видишь? – спросила сестра, протягивая мне чашку из сервиза.

– Вижу, а что? – ответила я недоумевая.

– Надо выбросить, – выдала она.

– Как выбросить? Зачем?

– Плохие, видишь, не отмываются от чая.

– Как? Что ты такое говоришь? – спросила я и, взяв чашку в руки, стала озадачено рассматривать её на свету: на ней был коричневый налёт от чая. Затем я попробовала её промыть ещё раз под струёй горячей воды. Сестра стояла рядом и наблюдала за мной. – Ну, смотри: как новенькая! – пока-

зывая ей эту же чашку, я посмотрела на сестру внимательно. Золотая каёмка заблестела в игре вечернего света с розовыми цветочками на этой чашечке, и мне показалось, что мамыны руки изящно держат её... как тогда... и голос пронёсся эхом: «Как ты думаешь, им понравится?»...

– Да? Странно, а я мыла-мыла...

Я вышла из кухни. «Этого не может быть, – подумала я про себя, разведя руками. – Это ведь подарок из дома!»

VI

Ветки винограда с молодыми листьями изящно обвивали окно моей комнаты. Я лежала у себя в комнате, медленно просыпаясь. Солнечные лучи уже всюду пробивались в комнату сквозь листья, лето начинало заявлять о своих правах, не дожидаясь ухода весны с её утончёнными манерами.

«Весна – Прикосновением своим раскрывая цветы восходящими лучами – Благословляет нас сем чудным благоуханием, сохраняя сокровенность цветения.

С блеском налакированные от раннего утречка дождиком листья гармонично меняли свои цветовые гаммы под солнечными бликами: от светло-зелёного до ярко-изумрудного – созидавая прелюдию утра, просыпающегося нового дня и сопровождаемую крылатыми певчими».

Майские лучики раннего солнца заполняли комнату розово-жёлтым светом. В комнату вошла мама и села напротив меня возле окна. Она была необычна, не как всегда, от неё исходило сияние – сияние счастья и радости. На ней была красивая кофта лимонного цвета. Шёлковыми волнами платок красиво ниспадал на её плечи, обрамляя их своими полупрозрачными аврорными оттенками и придавая воздушность изящным движениям её рук. Концы платка чудесно

сходились на груди, оригинально завязанные двойным узелком, напоминающим бутон розы, что придавало шарм.

Она смотрела на меня и улыбалась, как будто хотела скорее сказать хорошую новость. Это было необычно – увидеть маму в таком настроении, после тяжких невзгод, свалившихся на неё в последнее время. Я приподнялась на подушке и посмотрела маме в глаза, как будто в их глубине хотела увидеть, откуда идёт такой горящий взгляд...

– Ну, доченька, как дела? Скоро поедешь за границу, я так рада за тебя, хоть бы у тебя всё хорошо устроилось. Я поменяла тебе деньги – вот двести долларов, положи их... – и, обведя комнату глазами, она добавила: – Положи за ковёр, чтоб не пропали.

– Мама, ну кто их возьмёт?

– Мало ли что, подальше от чужих глаз.

– Ладно, положу, чтобы тебе спокойно было, – сказала я. – Раньше всё клали в шкаф под постельное бельё, – вспомнила я и улыбнулась.

– Я так за тебя переживаю. Как долетишь? Как там всё сложится? Но думаю, что всё будет нормально.

– Жалко, что нет прямого рейса и надо через Москву лететь.

– Ничего, побудешь в Москве сутки и потом уже прямым рейсом в Данию. Ты звонила к своей знакомой?

– Да, это Белла, – ответила я. – С ней я договорилась уже.

– Не помню эту девочку. Это со школы?

– Ты её видела, она ко мне приходила много раз, мы вместе учились в музыкальной школе.

– А... Вспомнила... Такая хорошая девочка, с вьющимися шикарными волосами, – сказала мама. – Она в Москву переехала?

– Она вышла замуж за москвича и осталась жить в Москве. Представляешь, случайно встретила её на улице, и она пригласила меня к себе в гости: адрес дала и свой телефон.

– Да... Давно она к нам не заходила.

– Так она после школы сразу и уехала – поступила в московский вуз и только на каникулы сюда приезжала.

– Ничего, что давно не виделись, она же согласилась тебя принять, и тем более вместе учились. Они тебя встретят в аэропорту?

– Да, обещали, но если что, то адрес её у меня есть.

– А ты пригласила их к нам в гости?

– Конечно, пригласила. Но когда я её встретила, она уже собиралась назад: у неё отпуск заканчивался, она приезжала родителей навестить.

– А ты у себя на работе всё уладила? Смотри, чтобы потом не было неприятностей.

– На работе отпуск дали на месяц, визу тоже дали в посольстве, теперь осталось собраться, – сказала я и мысленно представила себя... В самолёте... За границей... У сестры.

– Надо подарки им купить, ведь будут ждать гостинцев

из родного дома. Особенно наше солнышко – как она там? Так соскучилась по ней! – говорила мама... с воспоминаниями. – Мне всё время кажется, что вот-вот выйдет из детской и улыбнётся... – И глаза её засветились радостью.

– Я сегодня собираюсь пойти в город и посмотреть, что там есть. Хочу купить куклу Танечке и красивое платьице.

– Вставай-ка... Давай съездим за город, там в сельмагах больше выбора, что-нибудь посмотрим. Сегодня суббота, отец дома и свозит нас.

VII

Мы выехали на машине на просёлочную дорогу. В окнах мелькали поля и горы, налившиеся зеленью, перемешанной с голубизной неба. Тёплый ветер приятно ласкал мои волосы через приоткрытое окно в машине.

С одной стороны дороги – поля, маками усыпанные, расстилаются красным ковром до подножия гор и радуют красотой своей. Запах освежённых маковых полей после утреннего дождичка душистым воздухом проникал вместе с ветерком в салон машины, и повеселевшее утро улыбалось мне солнечными лучиками и звонким щебетанием птиц.

«Нежным дыханием лёгкий ветерок колыхал трижды перистые лепестки красных цветов. Воздушным барежем, словно красной вуалью, прикрывала весна земную красоту, придавая таинственность и элегантность долинам гор.

Белоснежные вершины гор, окаймляя сказочную картину, завершали пейзажную живопись, нарисованной весной:

– Красные маки, пылающие в отблесках белых снегов».

Показался маленький сельский магазинчик.

– Останови здесь, – попросила мама папу. – Пойдём посмотрим, что там у них есть.

Мы вошли в магазин, в котором продавалось всё, начиная

от одежды и кончая продуктами.

– Смотри, какой красивый набор чайного сервиза, – сказала мама, взяв в руки одну фарфоровую чашечку. Солнечные лучи – в белой глазури рассеиваясь и отражаясь в узорах из розовых цветов яблонь и нежно-зелёных листочков – сиянием своим завершали композицию золочёной окантовкой. Поворачивая чашку в разные стороны, мама любовалась игрой света.

– Как ты думаешь, им понравится? – спросила мама.

– Конечно, – коротко ответила я. – Подарок как раз для всей семьи, и для гостей можно поставить на праздничный стол.

– Очень удобные ручки у них, и цвет красивый, – сказала мама, продолжая держать за ручку чашечку, наклоняя её то вправо, то влево.

– Сколько стоит этот сервиз? – спросила мама у продавщицы в белом халате, стоявшей у прилавка и обслуживавшей покупателей.

Горянка – с золотистым отливом кожи, невысокая девушка с красивыми восточными глазами, с иссиня-чёрной косой, каких можно встретить в здешних краях. Отпуская товар, она быстро считала на обычных счётах, проворно передвигая деревянные костяшки то вправо, то влево. Национальные браслеты с бирюзой и топазом звонко позванивали при взмахе её руки.

Она завернула товар в коричневую плотную бумагу и про-

тянула его покупателю. Аксакал в стёганом халате поправил войлочный колпак с разрезными полями, взял свёрток и пошёл к выходу; на выходе он остановился, достал из кармана платок и стал протирать глаза, держа в одной руке камчу.

– Десять штук яиц и плюс двадцать пять рублей, – ответила продавщица.

– Каких яиц? – с удивлением спросила мама. – Что ещё за яйца!

– Сначала нужно сдать яйца – куриные яйца. Такие правила. И без печатей! Десять штук яиц за каждый товар! – чётко протараторила продавщица. – А то в городе купят и сюда везут, чтобы сдать, – сделав хмурое лицо, добавила она.

– А если мы переплатим стоимость яиц, можно нам купить этот сервиз? Мы нездешние.

– Не могу продать. Село должно поставлять городу яйца, поэтому местные жители должны сдавать яйца, чтобы купить дефицитный товар, – ответила громко продавщица, уставив свой взгляд поверх нас куда-то в пространство.

– Давай заедем к нашим родственникам, у них должны быть яйца, здесь недалеко, – сказала мне мама уже на выходе из магазина.

Мы сели в машину, в которой дожидался нас папа.

– Вот попали так попали! – проговорила мама и рассмеялась. – Видите ли, теперь нужно со своими яйцами в магазин ходить. Скоро будем молоко с собой брать в обмен на их молоко. Вот так и придём потихоньку к коммунизму!

– Какие ещё яйца? Только купил, что, дома яиц нет?

– Подожди, сейчас по дороге расскажу, – ответила мама, – такого ты ещё точно не слышал.

– А я ещё в самом начале подумала, почему очереди нет в этом магазине, всего-то пара покупателей была, – сидя на заднем сиденье, я громко внесла свою лепту.

– Всё ещё пользуются десятичным абаком, – сказала мама. – В городе уже давно кассы ввели.

– Так... Куда сейчас едем? – твёрдо спросил папа.

VIII

Широкая пыльная дорога упиралась в горы, которые стояли, как каменные дворцы, доходя до небес, вокруг шелестели высокие тополя, рядом проехал трактор. Мы подъехали к небольшому домику: кирпичные свежесвеженные стены... голубая веранда... белые тюлевые занавески... невысокая деревянная ограда... журчащая вода в арыке под сенью деревьев... Калитку открыла нам тётя Маруся.

– А я только что собралась на рынок, вы меня случайно дома застали, – громко проговорила тётя Маруся.

– Значит, нам повезло, – ответила с улыбкой мама.

– Здравствуйте, – сказала я и обняла тётю Марусю.

– А вы как? – спросила Маруся.

– Мы решили проехаться по сельмагам и в ваше селенье, так сказать, заглянули, – с настроением произнесла мама и посмотрела на папу – он как раз закрывал дверцы в машине и коротким кивком поприветствовал свою сестру.

Добрые живые глаза и добродушная улыбка, её волнистые русые волосы были аккуратно зачёсаны назад и закреплены полукруглым гребешком, а заплетённая коса красиво уложена на затылке. Она была невысокого роста и плотного телосложения, красивая и пышущая здоровьем, от неё веяло светлой душевной теплотой.

Мы зашли в летнюю кухню. В комнате стоял запах испёк-

шегоя домашнего хлеба – на столе, прикрытые вышитым полотенцем, лежали большие булки белого хлеба.

Мама и я сели на скамейку, что стояла около стены рядом с окном, а папа, пододвинув к себе табуретку, тоже присел, затем, положив руку на кухонный стол и посмотрев в окно напротив, значительно произнёс:

– Так... Это...

– Здесь у вас в одной лавке импорт выбросили, мы по дороге уже заглянули туда. В городе-то он не залёживается, с прилавков сметают всё подчистую!.. – с эмоциями произнесла мама и энергичным жестом руки как бы смела крошки с края стола.

– Да тут он никому и не нужен, тут в огороде да в поле с утра до вечера. Тут свой местный импорт – фуфайка да сапоги кирзовые! – в шутку ответила тётя Маруся, и все рассмеялись.

– Так они сейчас по-новому сделали, товар на яйца меняют, – заметила мама. – Мария, есть у тебя с десяток яиц? Выручи нас, пожалуйста.

– Да больше, наверно, насобирается! Я ещё в курятник-то не заходила с утра, но со вчерашнего дня в корзинке есть, в чулане стоит, сейчас схожу, принесу вам, – с любезностью предложила она.

– Придумали, тоже мне! Это только у нас могли до такого додуматься, со своим товаром в магазин ехать, – с горячностью высказалась мама. – У меня в голове не укладывается,

как можно до такого додуматься!

– А я и не слышала ещё, это же когда... – развела руками тётя Маруся.

– Новое постановление вышло, а от кого и когда... Никто его не читал, и я его тоже не видел, – с иронией изрёк папа.

– Сами, наверное, придумали себе, чтобы план выполнить, – подумала и вслух высказала тётя Маруся.

– Самоуправством занимаются. Что, их кто-то здесь будет проверять? – подчеркнул папа.

– Мария, можно мне кружечку вашего квасу? Так хочется глоток сделать, – спросила мама.

– Юрий, спустись в погреб, принеси кваса. И с собой возьмёте заодно. – Вытерев руки о край фартука, она открыла одну дверцу деревянного шкафчика, расположенного под столешницей, и стала доставать стаканы; на двух полочках, покрытых клеёнкой, стояли тарелки и гранёные стаканы, а на нижней – эмалированные чашки и кружки.

Папа вышел во двор. Я посмотрела через ситцевую занавесочку в горошек, которая закрывала пол-окна, и тоже вышла вслед за папой. По двору важно ходили куры, напротив дома стоял амбар: выбеленные известью стены, зелёные створчатые двери, одна створка была немного приоткрыта и слегка поскрипывала от сквозняка. Справа от амбара деревянная дверца вела в погреб: солнечным светом освещало каменные ступеньки, которые уходили в потёмки, на меня

дохнуло холодком да пряным духом солений...

Я заглянула в амбар: чисто подметённый глиняный пол, в углу стояли мешки, наполненные зерном – пахло свежестью и приятно обдавало каким-то особенным, непередаваемым деревенским духом; маленькое окошко, за которым виднелась груда уже изготовленных кизяков: через сквозные промежутки вольно гулял ветерок, осушивая их к осени и разметая стебельки соломы; пылом раскалит он верх да края печи – завьётся от него приятный сизый дымок из трубы, окутает сначала избу, потом тополиные листья и, струясь с горным ветерком в прозрачном воздухе, медленно сольётся с синеватым туманом, сползающим со снежных хребтов Гималаев.

– Самый вкусный квас! Я такого кваса ещё нигде не пробовала, – с наслаждением отпив глоток, похвалила мама. – Мария, как ты его делаешь?

– Это надо, чтобы квас в погребе «доходил», а в квартире, как у нас, он такой не будет, – выразительно подчеркнул папа. – И хлеб, испёкшийся в деревенской печи!.. А не в духовке газовой, – пояснил он, выразительно подняв указательный палец вверх.

– Я хмелю туда ещё добавляю, из хлебной закваски оставляю, – ответила тётя Маруся, дивясь с улыбкой на брата.

– Мария, все аргументы сводятся к тому, что мы к тебе

в гости на квас будем заезжать, – пошутила мама.

– На здоровье, всегда рады вам, – с душевным гостеприимством ответила тётя Маруся.

Я тоже отпила немного холодного квасу и почувствовала на губах пенящийся и золотистый нектар; невероятный запах хлебных пашен, обвеянных горным ветром, жар печи и добрые руки тёти Маруси – всё это создавало домашний хлебный напиток.

Тётя Маруся, или Мария Кирилловна, как к ней обращались товарищи по работе, была старше моего папы на восемь лет и очень похожа с ним, но с женственными чертами лица. Красивый голос её звонко раздавался в воздухе, и улыбка озаряла её лицо – папа спокойно и коротко отвечал ей своим мужским баритоном. Энергичная и жизнерадостная Мария: в ней бурлила жизнь, передавая кровь потомков казаков. Папа был менее эмоциональным, но в спокойном и уравновешенном характере скрывалась сила, которая могла в любую минуту вырваться наружу и словно казачья шашка в мгновение встать на защиту своей семьи и своего рода.

Несмотря на различия в их характерах, это никак не отразилось на их отношениях как брата и сестры, которые искренне любили друг друга и помогали друг другу. Был ещё младший брат Николай, внешне больше по матери – его гладкие тёмные волосы спадали прямыми прядями, в отличие от брата ему не достались черты лица, схожие с Цезарем, хо-

тя и присутствовали фамильные черты. Николай был младше Марии на двенадцать лет и до сих пор жил одним домом со своей матерью, то есть с моей бабушкой Анисьей (в девичестве Куприяновой), там же обосновался со своей семьёй в одном большом доме, где все вместе вели хозяйство. Он был тихим, немногословным и самым младшим – последним ребёнком в семье – со всеми привилегиями, переходящими в будущем в статус «оберегаемого мужа».

Маруся хлопотала около нас; кофта с баской в голубой мелкий цветочек очень шла к её светло-серым глазам.

– Блины нынче с утра напекла, будете? – спросила тётя Маруся.

– Спасибо, пока не хочу, – ответила мама и посмотрела на меня, я тоже помотала головой.

– А я попробую, я уже проголодался, – сказал папа.

На подоконнике сидела кошечка и поглядывала на молоко в крынке, нежно мурлыча и умильно потягивая мордочкой запахи, доносившиеся с печи. Тётя Маруся поставила на стол перед папой глиняную миску с блинчиками и к ним такую же мисочку с топлёным домашним маслом. Кошка аккуратно, подушечками своих мохнатых лапок прошлась по краю и спрыгнула на скамейку возле нас.

– Ну-ка, брысь! – легонько прикрикнул папа.

– Кис-кис, Мурочка, – позвала я её к себе. – Ой, какая она пушистая Мурка, – сказала я и, посадив её к себе на колени, стала гладить.

– Вот зачем за столом, – сказал папа, строго посмотрев на меня.

– Потом руки помой, если будешь со стола еду брать, – добавила мама.

– Хорошо, – спокойно ответила я.

Маруся, тоже отпив немного квасу, поставила кружку на стол и продолжила рассказывать о здоровье бабушки и последние новости о наших родственниках. Муж её Лукьян Адрианович (по фамилии Полтавец), который с любовью заботился о ней, умер от тяжёлой болезни несколько лет назад, и осталась она одна с дочкой, которая была старше меня на тринадцать лет. Анастасия, или, как часто её называли, Настёна (в честь бабушки по папиной линии), была очень похожа на своего папу: тёмно-русые волосы и зелёно-карие глаза, добрая и отзывчивая. В столице она закончила учёбу в университете и осталась преподавать литературу в средней школе, при этом на каждые выходные приезжала домой помогать маме по хозяйству.

– На обратном пути к ним заедем, – сказал папа. – Я к ним собирался в следующие выходные – навестить маму, но раз мы в этих краях, то заодно и проведем.

– Мы ещё планируем по дороге в другие районы заехать, может, там тоже нам повезёт, – досказала мама.

– Сейчас конец месяца, всегда что-то появляется в эти дни. – Мария, взяв ухват, достала чугунный горшочек и, помешав деревянной ложкой внутри содержимое, снова поста-

вила его в печь. – Я туда хожу только за спичками да за солью, – повернувшись к нам, договорила она.

– Печка ещё тёплая, – сказала мама, прислонившись к печке. – Так люблю тепло деревенских печей – тепло детства напоминает.

– Так давеча вечером хлеб выпекала, – ответила Маруся. – Это на всех: маме с братом, и дочка с города на выходные должна приехать.

– Тоже всё хочу попробовать хлеб на хмелю испечь, да руки не доходят, – посетовала мама.

Я посмотрела на огромные буханки величиной с «Великорусска́го»¹ каравай! Сколько там хлеба?.. Семь штук?.. Нет, вроде больше, один бы смогла только двумя руками удержать.

– А мне кусочек отрежь-ка, попробую свежевыпеченного, – попросил папа тётю Марусю.

– И мне! – громко сказала я. – Я тоже хочу, так вкусно пахнет!

– У меня ещё топлёное молоко в печи томится. Угощайтесь, и с собой в дорожку возьмёте, да хлеба не забудьте, – на ходу сказала тётя Маруся, нарезаая хлеб аккуратными ломтями и подавая на стол.

– На здоровье, с живого жара! – с радушием предложила хозяйка дома.

---

¹ Как говорила тётя Маруся на старорусском языке.

IX

Солнце уже входило в зенит и своими прямыми лучами выводило нас на более узкую просёлочную дорогу.

– Ну, вот хорошо, яйца есть, даже больше, чем попросили, – сказала мама. – Может, ещё что-нибудь возьмём тогда. Юрий, прикрой своё окно немного, а то сквозняк прямо в машине гуляет.

– Это вы у себя позакрывайте, у водителя должна «вентиляция» работать, – медленно произнёс папа, продолжая объезжать ухабы по сельским дорогам и создавая столбы пыли, уже начинавшей проникать в салон машины, перемешиваясь с запахом свежевспаханной земли.

– Слушаемся, Ваше превосходительство, – ответила мама и с юмором приложила руку под козырёк. – Маришка, тогда своё окно хоть прикрой. Надо нам успеть до обеденного перерыва попасть в другие магазинчики, а то закроют на обеденный перерыв, и жди потом.

Мы снова зашли в магазин.

– Давай ещё что-нибудь посмотрим, есть что-нибудь интересное?

Мы прошли вглубь магазина, посмотрели одежду, обувь: почти всё было местного производства.

– Какую-нибудь игрушку надо бы купить Танюшке, ждёт, наверное, скучает, – сказала мама, обведя глазами прилав-

ки. – Здесь ничего такого нет, поехали в другой, а по пути и в городе тоже посмотрим.

– А вот ткань неплохая на шторы в зал, – идя за мамой к выходу, я указала рукой в дальний угол магазина, где на полках лежали рулоны материи. Мы подошли ближе и стали рассматривать, а папа вышел на улицу.

– Это... В машине вас подожду, – сказал он на ходу.

– В зал? Ты думаешь, красиво будет? – спросила мама.

– Да, белый тюль и красного цвета диван и два кресла. Я думаю, что будет красиво сочетаться, – ответила я, держа в руках материал красного цвета – на нём был цветочный узор, вытканый бархатом.

– Надо же, какое совпадение! Почти такие же розы на нашей мягкой мебели. А ну, посмотри, чьё производство?

– Сделано в ГДР, – прочитала я на этикетке, прикреплённой в виде бирки к этому рулону. – Как и наша мебель!

– Ну, бери, если нравится, и пошли, заедем ещё в другие места по дороге, а то папа нас уже заждался, – сказала мама. – Мариша, а вот смотри ещё какой красивый, на брюки не хочешь? – Теперь задержалась мама около другого рулона ткани светло-бордового цвета. – В городе такой не купишь.

– На брюки? Не знаю, может, на платье больше подойдёт, – сказала я, рассматривая тонкий изящный материал, волнами спадавший по руке. – Не знаю... С такой ткани брюки ведь не шьют? Я ещё не встречала в городе такую «моду».

– Сейчас можно носить что нравится. Я думаю, что будет

очень элегантно смотреться, – мама отошла немного в сторону и, пробежав по ткани взглядом, уже мысленно спроектировала будущую модель моих брюк – это было ясно видно по её удовлетворённому выражению лица.

– А вообще сейчас такая мода... Носи что нравится, – произнесла я неуверенно.

– Так пусть у тебя будут первые такие брюки! Ты сама их прекрасно сошьёшь. Спереди сделаешь едва заметные складочки – я думаю, пару штук с каждой стороны, вверху модель будет смотреться как юбка, а потом все формы плавно переходят в брючный ансамбль. Не зауженные брюки и не «бананы» – я уже зрительно вижу, как они будут оригинально сидеть на твоей фигуре.

Она размотала немного ткани с рулона и прибросила её на меня, затем, отступив на шаг назад, она бегло окинула взглядом ещё раз.

– Всё берём! – произнесла мама заключительную фразу и окликнула продавщицу.

Мы вышли из магазина, солнце ослепительно улыбнулось в глаза, около машины в оттенках то голубого, то белого облака дождался нас папа, держа в одной руке сигарету, а другой приподняв капот и очень важно всматриваясь внутрь.

– Воду нужно долить в радиатор, а то мотор машины...

– Я же тебя просила!.. Приготовь машину!.. Зато в гараже пропадает... – не дав договорить, мама вынесла свой вердикт уже якобы «свершившейся» поломке нашей машины.

– Так... Как ты не понимаешь? Мы же не в городе и по асфальту, а по горным склонам...

– Не знаю и знать не хочу! Как куда ехать, то начинаем машину ремонтировать, как с друзьями на рыбалку, то...

– Никто не ремонтирует, я сказал – воды долить! А то машина перегрелась, – ответил папа на повышенных тонах.

– Ну не знаю, доливай и поедем. Нам ещё нужно заехать в другие места тоже, хотя бы в пару магазинов, что по дороге нам попадались, – уже из машины прозвучал голос мамы в деловой тональности.

– Здесь пока до Алатау доберёшься, то двигатель может закипеть – из радиатора пар пойти, – пояснил папа и, больше не отвлекаясь на разговоры в салоне машины, то есть с мамой, прямо стал смотреть на дорогу, ровно и спокойно управляя рулём.

– Ну вот, сервис купили, теперь... – не договорила мама.

– Теперь задача номер один – раздобыть игрушку! – сидя на заднем сиденье, я громко внесла свою лепту, рассчитывая, что меня расслышат за шумом двигателя.

– Как там наша Танечка? Так скучаю по ней! – произнесла она, и счастливая улыбка осветила её.

Пёстрые горы замелькали в окнах машины, горная речка в низине сопровождала нас, указывая дорогу, а голубые брызги воды, взлетающие в высоту от диковинных валунов, хрусталиками искрились в лучах горного света.

Х

Солнечные лучи ударили в окно, с кухни слышалось шипение чайника, запах кофе разносился по комнатам. Мы все уже давно встали и сели завтракать. Таню мы решили не отводить в садик по случаю моего приезда.

– Сегодня такая хорошая погода, пойдём сегодня в город? – спросила я, наливая себе только что заваренный чай. Сегодня понедельник, магазины открыты будут, так хочется пройтись по улицам, зайти в магазины, посмотреть всё.

– Мы с Рамизом сейчас уйдём, нам надо сходить в одну контору насчёт документов, – ответила она, помешивая ложечкой чай с сахаром в пиале, и посмотрела на Рамиза.

– Я сегодня не пойду на курсы датского языка, – ответил он, отхлебнув горячего кофе из маленькой кофейной чашечки. – После выходного дня никуда не хочется идти.

– Таня, давай кушай хорошенько, кто будет доедать? – сказала она дочке, которая, бросив свою ложку, уже норвила слезть со стула.

– Не хочу больше, – ответила она и, сдвинув свои маленькие бровки, сердито посмотрела на тарелку с кашей.

– Э... Я кому сказал! – Рамиз посмотрел на неё, и Таня снова взяла ложку и стала ею усердно водить по тарелке.

– Может, она уже наелась? – вставила я своё слово и подумала про себя: «Мама наша не заставляла Танечку много

есть, когда она бывала у нас».

– Пусть всё доест до конца, и так ничего не ест, – утвердила Оля.

– Ну да, ничего не ест и растёт. Ты тоже мало ела в детстве, – заметила я. – Детский организм сам знает, сколько ему надо.

– Ну, давай, открывай ротик, – сказала сестра и поднесла ложку с кашей, – ложечку за маму, ложечку за папу, ложечку за зайчика...

– А вы надолго, в город успеем потом сходить? – продолжила я разговор после завтрака.

– Да, после. А ты не можешь с Таней посидеть? – спросила сестра.

– Да, конечно, посмотрю за ней. Тогда мы выйдем на детскую площадку во двор. Вы мне ключи оставите?

– Дождитесь нас, мы скоро вернёмся.

– Ну ладно, – согласилась я.

– Марина, давай мы тебе поменяем деньги в банке, ты же привезла с собой двести долларов.

– Сейчас, минуточку, – сказала я и пошла в детскую комнату, где за шкафом в углу лежали мои вещи. – Вот, возьмите, – сказала я, доставая деньги из сумочки. – А потом мы ходим в магазин и купим что-нибудь маме и папе. Когда вы придёте?

– Хорошо, мы ненадолго, – ответила сестра, накидывая лёгкую куртку в коридоре. Рамиз уже спускался вниз по лест-

нице, а Танечка держала меня за руку. Мы с Таней помахали на прощание ручкой и пошли в её комнату играть.

– Ну, Танюшка! Во что мы будем играть? Давай в чок-чок! – спросила я. Наше знаменитое «чок-чок» – езда верхом на моей спине.

Она быстро запрыгнула на меня, и мы важно «поехали по разным улицам» комнат, объезжая все углы, останавливаясь на остановках и беря пассажиров – мишек и зайчиков – в наш автобус. Потом мы падали и смеялись. Немного отдохнув, мы пообедали, затем пошли в её комнату играть с нашим новым мишкой.

«Что-то долго их нет», – посмотрев на часы, подумала я. Уже магазины, наверное, скоро закроются. Вдруг раздался звонок в дверь.

– Ну, вот и мама с папой пришли, – обрадованно сказала я, и мы побежали наперегонки открывать дверь.

Зашли сестра с мужем, держа в руках пакеты из супермаркета.

– А мы вас уже заждались, – радостно воскликнула я, держа Танечку на руках. – Я пообещала Танечке купить мороженое и сходить покататься на детские качели.

– Мы были по делам в коммуне, – сухо ответила сестра. Рамиз молча прошёл мимо меня в комнату.

– Что купили? Как много всего! Выбрала маме тоже что-то?

– Нет, – перебила она. – Я купила себе фен, остальное

Рамизу.

– Прекрасно, покажи какой.

– Мы завтра с тобой ходим, магазины уже закрываются в это время, и мы с Рамизом устали!.. Находились...

– Ну конечно, я вас понимаю!.. А мы тогда завтра ходим и выберем подарки родителям, я ведь нескоро уезжаю. А сейчас мы с Танечкой пойдём во двор погуляем, да, солнышко? – Я поцеловала её в щёчку, а она обняла меня крепко своими ручками. – Танюша! Задушишь меня, – сказала я смеясь. – Кушать я вам приготовила, вы, наверное, устали, отдохните, – обратилась я уже к сестре, опуская Танюшку на пол. – Где твои туфельки, покажи мне? Пойдём на качели кататься?

Она заулыбалась и закивала в ответ своей кудрявой головкой.

Вечером, уютно усевшись в кресло после сытного ужина, мы включили телевизор. Мысли крутились в голове, не давая мне покоя: «Как спросить их про деньги? Почему они молчат, ничего не говорят? Они, наверное, уже поменяли их. А может, мне с сестрой поговорить? Вроде неудобно как-то, но как же я домой без гостинцев поеду и с пустыми руками». Я выбрала удобный момент, когда сестра вышла на кухню, и подошла к ней:

– Оля, а деньги вы поменяли? – спросила я извиняющимся тоном.

– Какие деньги? – резко прозвучало в ответ.

– Как? Но вы же взяли поменять их в банке, я-то ничего не знаю, как тут менять надо.

– Это не твои деньги! Мы тебе тогда их дали, чтобы ты обменяла их на доллары и привезла нам, потому что там у нас они дешёвые.

– Так почему вы сразу не сказали, что это вам? Почему вы сказали, что это мне подарок на день рождения?.. Я же на них рассчитывала... – сказала я, запинаясь и ещё не совсем осознав, что происходит.

– Я не помню про этот подарок на твой день рождения.

– Ну как же? Забыла? – с восклицанием спросила я и иронично произнесла: «Марина, поздравляем с днём рождения!» и преподнесли в конверте эти деньги.

– Смотри, какая, деньги она спрашивает! – уверенно заявила она невпопад, изобразив деловое выражение на своём лице, при этом поджав немного свои тонкие губы и задрав кверху свой квадратный подбородок.

– Ох... Так если бы вы сказали тогда, что вам надо их привезти, то я себе тоже поменяла бы – что здесь такого! Просто надо было всё объяснить, а как я сейчас вообще без денег? Мы же договаривались, что в город пойдём, купим что-нибудь родителям... А теперь как я совсем без денег-то! Так я даже в город не могу пойти, я ведь только что приехала и ещё нигде не была... – не договорила я, как чёткий уверенный тон перебил меня:

– Рамиз сказал, что ты должна уехать!.. Уже сейчас, –

после короткой паузы добавила она. – Ты не можешь здесь больше оставаться.

– Как? Как... сейчас? – спросила я, заикаясь от неожиданности. – Я же только что приехала – это, может быть, единственная возможность для меня побывать за границей!

– Мы не можем тебя кормить, здесь всё дорого.

– А как же Танечка? Я её так давно не видела, и когда я опять её увижу? – с горячностью и поспешностью выговорила я.

Сестра вышла в другую комнату, что означало: разговор закончен! Я прошла в зал и, машинально сев на диван, стала смотреть телевизор дальше, но ничего не видела: так неожиданно всё перевернулось! Я почувствовала себя какой-то виноватой и не знала, как мне себя вести дальше: улыбаться и делать вид, что ничего не произошло, или плакать, или...

XI

Я шла... словно плыла по воздуху, долго... я не ощущала времени... такая боль давила на душу, я шла словно во сне... в тот лесок... к тем оленям, стараясь найти поддержку у природы. Я подошла к небольшому пруду и села на камень: слёзы сдавливали мне горло. Мне хотелось закричать, чтобы все меня услышали:

– Почему?.. За что?.. Я ведь к ним с любовью! Я ведь приехала к ним в гости, приехала увидеться, я так соскучилась по ним!.. В чём я виновата?.. В чём?.. Что улыбалась и была жизнерадостная... Что весело играла с Танечкой и мы дружно смеялись, потому что нам было весело и хорошо?.. Потому что мне было хорошо?..

Я сидела и вспоминала свой приезд, свой восторг, и вдруг... Мне трудно было в это поверить – всё это осознать и пережить, я была к этому совершенно не готова, абсолютно не воспринимала то, что произошло. Я стала анализировать всю ситуацию: почему это произошло, где я допустила ошибку? Может, что-то недопоняла, а может, не так сказала, не так посмотрела? Но я же в гостях у сестры, а не у чужих людей!

В воскресенье мы с мамой пошли на «лётное поле» – поле, где красиво вздымались ввысь самолёты и исчезали в бе-

лоснежных облаках. Мы шли по нашей аллейке, деревья тувовника бросали тень от своих листьев и бережно закрывали нас своими ветвями от палящего солнца. За аллейкой появился небольшой лесок.

– Смотри, как воробушек пьёт водичку, – остановив меня, она показала рукой на маленькую серую птичку, которая, озираясь по сторонам и встряхивая крылышками, своим малюсеньким клювиком пила из лужицы. Я внимательно посмотрела на маленького воробушка.

– Давай его к себе домой возьмём, – попросила я и хотела подбежать к этой маленькой птичке, чтобы взять её в свои ладошки, но мама вовремя остановила меня за руку.

– Не мешай, пусть напьётся.

– А потом мы его возьмём к себе?

– А как же его мама? Она же будет искать своего детёныша, – ласково сказала мама и обняла меня. Я посмотрела на маленького воробушка с грустью и пошла за мамой, постоянно оборачиваясь и махая ему ручкой. «Как я хочу воробушка, он такой маленький!» – думала я про себя, но мама крепко держала меня за руку, чтобы я не отставала.

– Смотри, какие листочки! – обратила она моё внимание на рядом растущее дерево. Я молча посмотрела, немного насупившись. – Сейчас мы их соберём для твоего первого гербария, – сказала она и сорвала веточку с листьями для меня.

Мы медленно пошли дальше среди деревьев и кустарников этой дивной рощи: мама стала рассказывать мне чудес-

ные рассказы о природе и открывать для меня её удивительный мир, по пути собирая листья для моего гербария – эти листья с очень красивых деревьев, такими они мне казались тогда... красивые листочки из «сказочной рощи» моего детства...

Мама присела с краю на камень и стала смотреть на взлётное поле – самолёты взлетали высоко в небо... В руках она держала полевые цветы, а я бегала рядом и, срывая ещё и ещё... василёк и незабудку... приносила их маме и, счастливая, снова убегала за следующим цветком под переливы жаворонков. Мама продолжала смотреть на взлётную полосу, устремив свой взгляд вдаль и о чём-то задумавшись.

– Мама, понюхай, как пахнут! – запыхавшись, я поднесла к её лицу голубые колокольчики.

– Как вкусно пахнут! Какие красивые!

Мама встала, поправила юбку: «Ну, пошли домой?» Я молча улыбнулась в ответ, она взяла меня за руку, я обернулась и посмотрела на лес, виднеющийся вдали.

– А туда мы не пойдём?

– Куда?

– Вон... Туда... – протянула я ручкой, показывая на лес.

– Туда нельзя детям ходить, и без папы мы не пойдём.

Лес такой огромный, большие деревья с могучими кронами стояли, высоко упираясь в небо, плотно переплетаясь друг с другом, такой тёмный и неведомый. Мне показался он страшным и дремучим, я смотрела на большие деревья,

на черноту, выступающую из леса, – окружённые тенями лесных чудищ, они, словно пни с корявыми ветвями, двигались как стена: не пропускающие и не впускающие никого из этого мира – только лесные сказочные персонажи Кащей Бессмертный и Баба-яга, леший и кикимора живут в этом лесу. Я увидела мухоморы, они спрятались под ветвями елей... Почудилась избушка на курьих ножках, которая раскачивается среди ветвей... Мне стало страшно... Боязно заблудиться там с мамой и не выйти оттуда никогда... А когда папа придёт домой и увидит, что нас нет дома, то пойдёт в этот лес, и будет нас искать, и наконец спасёт нас!

– Мама, а что там, дальше... там, за лесом?

– Там начинаются горы... и... снежные горы...

Я старалась крепко держать маму за руку, боясь отпустить её.

– Пойдём домой? Скоро папа придёт, обед надо приготовить.

Я обернулась и ещё раз посмотрела на этот лес: «Что там, в лесу, что там, за лесом?» В одной руке держа колокольчики, а в другой мамину руку, я медленно с мамой шла домой. Белая черёмуха окутывала ароматом аллею к нашему дому, щебетание птиц сопровождало нас в белую сказку, в которой проходило моё детство, с папой и мамой – счастливое детство запечатлелось навсегда в моей памяти... маленькой девочки с колокольчиками.

Розовые сумерки спустились к воде и становились всё гуще и гуще, сливаясь синевой с вечерними тенями лесной тишины – всё затихло в ожидании ночи, в ожидании завтра. Надо было идти домой к сестре, но ноги отказывались, мне было трудно идти туда, где меня не ждут... где меня не хотят видеть... где меня не любят. Я встала с трудом и пошла... Мама, а что там, дальше... там, за лесом?..

– На мысе севера —

Где встретились два моря...

лаская волнами друг друга...

Где в век минувший белу-церковь...

сокрыли дюны из песка...

Где на закате черно-солнце...

чудит узором стая птиц...

Где на рассвете бирюзы...

танцуют танец журавли...

Где королевские олени...

торжественно ступают сквозь леса...

– Там Датский дух её Величества Земли —

XII

На следующий день все сели завтракать как обычно, потом мы с сестрой отвели Таню в садик, Рамиз ещё спал. На обратном пути мы пошли прогуляться немного по центру этого небольшого городка, в котором жила моя сестра.

– Здесь недалеко, можно дойти пешком. Город маленький, – сказала сестра.

Мы шли по узкой аллейке мимо белой церкви, у стен церкви находился некрополь – в самом городе, окружённый невысокой каменной стеной и усаженный очень красиво цветущими кустами.

– Смотри, у них кладбище прямо в городе. Ты не боишься идти здесь поздно вечером? – спросила я, озираясь назад.

– Так его не видно, вокруг кусты, – ответила спокойно сестра.

Мы вышли на центральную улицу, на улицах было мало людей, но некоторые магазинчики и кафе уже были открыты.

– Это не я, это он так сделал, – вдруг неожиданно сказала мне Оля.

– Кто – он? Что сделал? – переспросила я.

– Ну... Это... Не отдал тебе деньги, ну... Рамиз.

– А... Теперь ясно, ну... Теперь мне понятно, – поверив ей, ответила я. – Но я хотела маме с папой купить подарки, как я с пустыми руками домой поеду? – с обидой в голосе

ответила я.

– Это не я, это всё он, – тихо промямлила сестра и опустила глаза.

– Рамизу же хорошо у нас было, когда вы приезжали к нам после учёбы с маленьким ребёнком и вам негде было жить.

Я посмотрела на неё: она была ниже меня ростом и худенькая, русые волосы тонкими прядями ниспадали на плечи, в отличие от моей пышной шевелюры на голове. Мы были с ней очень похожи общими чертами лица, но у неё они преобладали более с папиной стороны, а у меня были мамыны глаза и её овал лица, но изумрудно-серебристый цвет глаз, как и у сестры, передался от папы. Мама наша была брюнеткой, чернявая, как любил её называть папа, а мы с сестрой были обе светло-русые, в папу.

Сестра была младше меня на пять лет и рано вылетела из гнезда, почти сразу после школы она уехала учиться в другой город, там и познакомилась со своим будущим мужем – Рамизом.

– Не переживай, я дам тебе немного денег, купишь что-нибудь, – вдруг торопливо проговорила она и, вынув из своего кошелька сто крон, протянула мне.

– Спасибо, – ответила я и поцеловала её в щёчку. – Хоть на гостинцы родителям теперь что-то есть, – со вздохом выговорила я.

Ярко светило солнце, дул свежий морской воздух. Передо

мною стояла женщина среднего возраста, лет сорока, одетая в костюм в морском стиле и в белых туфлях на высоких каблуках.

– Познакомься, это Лариса, – сказала мне сестра.

– Марина, приятно познакомиться.

– И мне очень приятно. Лариса, – представилась она. – Давно приехала?

– Недавно, в выходные, – ответила я.

– Ну как, нравится здесь? – спросила она.

– Пока не знаю, ещё нигде не была, вот только вышли в город.

– Мы хотим пройтись немного здесь, в центре, – сказала сестра.

Ветер развевал её каштановые волосы, уложенные мелкими кудрями в короткую стрижку, прямой нос и тонкие губы, подкрашенные алой помадой, создавали образ южанки из Средиземноморья.

– Ой, купила себе новые туфли и уже натёрла ногу, – она слегка наклонила голову, показывая нам свои новые туфли, но в это время дунуло ветерком сильнее, и белый большой воротник, по фасону напоминавший форму, как у моряка, прикоснулся к её лицу и снова лёг на её плечи.

– Ой... Ну вот тебе, – произнесла она, держа кончик воротника и пальцем пытаясь стереть с него помаду, отпечатавшуюся с губ. – Ну как вам это нравится, надо же, – сказала она как бы самой себе и улыбнулась.

– Ну ладно, девчонки, звоните, телефон мой знаете, мне нужно ещё на перевод успеть, всё будет нормально, я победжала.

– Приятная женщина. Ты давно её знаешь?

– Ну, как приехала, познакомилась с ней, – ответила сестра. – Она переводила в коммуне нам.

– А коммуна – это что?

– У нас это как горисполком, наверное. Я, честно, не знаю.

– Так она переводчица?

– Да, у неё своя фирма. Она уже как десять лет здесь, вышла замуж за датчанина.

– Если что, то можно позвонить ей, мало ли что. Правда же? – я посмотрела на сестру, но она меня уже не слушала, а внимательно разглядывала витрины магазинов.

Универмаг – и вот моё первое знакомство! Зайдя внутрь, я стала смотреть по сторонам, поворачивая головой в разные стороны и растерянно обводя взглядом всё вокруг, ничего не понимая и ничего не видя: я словно крутила калейдоскоп – яркие узоры менялись, потом снова изменялись, всё сливалось друг с другом без чётких очертаний непрерывным потоком меняющихся ярких цветов.

Мне вдруг стало душно, как будто горячая волна нахлынула на меня: слишком большой объём впечатлений словно ударил меня по лицу, и я захотела выйти на улицу. Выйдя на свежий воздух, я не могла отдышаться.

Я зашла опять, уже не смотря по сторонам, а только пе-

ред собой: всё было другое и непривычное для глаз, огромное изобилие всего просто ошеломяло меня. По всей стенке до самого потолка была развешана ярких тонов одежда, красиво разрекламирована и так притягивала к себе взгляд, что всё хотелось посмотреть и примерить.

Ярко-розового цвета нежная мохеровая кофточка с шикарным большим воротником запечатлела мой взгляд. Я смотрела на неё как зачарованная, множество тёплого света падало на неё и делало её ещё ярче, я уже мысленно представляла, какую сумочку и туфли я подберу к ней.

– Да, впечатлений мне хватит надолго, у меня просто глаза разбегаются, – сказала я. – Красиво всё, но цены, конечно, тоже красивые! Всё есть, но не всё можешь купить. Мне надо что-нибудь купить маме с папой, но я даже и не знаю, что им привезти из-за границы.

– Ещё успеешь, ты ведь только приехала, посмотришь сначала, а потом подумаем, что купить.

– Да, главное не торопиться, здесь же не расхватывают, как у нас, завтра же тоже это будет.

– Слушай, я на время не смотрю, а уже надо за Таней идти в садик.

– Почему так рано? Только обед сейчас.

– Дорого! Она у нас только на полдня.

– Да? А я думала, как у нас, детки на целый день, – сказала я. – Тогда, конечно, пошли скорее.

Мы ускорили шаг и, крутя головами в разные стороны,

старались не пропустить ни одной витрины магазинов одежды.

XIII

Танечки дома не было, она ещё была в садике. Рамиз стоял на балконе с чашкой кофе и сигаретой. Я прошла на кухню заварить себе и сестре чай, затем, аккуратно держа поднос с заваренным чаем и чашками, пошла в зал, где за журнальным столиком сидела сестра и перелистывала рекламы, и вдруг... мимо меня пролетел тапочек и попал прямо в неё. Напротив нас в дверном проёме появился Рамиз: с нахмуренными бровями и с одной поднятой рукой он напоминал Каменного гостя. Пока я наблюдала за полётом его тапочка и приходила в себя, он в это время подбежал к сестре и, что-то крича, наотмашь стал бить её по лицу, по голове: сестра, подняв обе руки, прикрывалась от его ударов. От неожиданности всего происходящего я не смогла разобрать слов в его визгливом крике – всё это было для меня невероятным, но очевидным.

– Она же беременная, как ты смеешь на неё руку подымать! – закричала я и, бросив поднос на пол, побежала спасать мою Олю от его ударов. Я встала между ним и сестрой и набросилась на него, отталкивая его в сторону от Оли. Да, в этот момент я не думала, что я гость в их доме, я просто знала, что мою младшую сестрёнку обижают и я должна её защитить!.. А что будет потом?.. Я об этом не стала думать... Мне было не до этого в те яростные минуты.

– Ей же рожать... Как можно на беременную женщину подымать руку! – уже заорала я истошным криком и начала колотить его своими маленькими кулачками по его лицу и груди. Он стоял, выпучив глаза, ничего не понимая – как женщина осмелилась поднять на него руку?!

– Убирайтесь отсюда обе, назад в Россию! – завизжал он на весь дом, но при этом сдачи мне не дал, а просто стоял, опустив руки, и даже не предпринял попытки сделать оборонительный жест хотя бы одной рукой: может, от неожиданности моего нападения, а может, его просто ошеломила сам факт женской атаки.

– Как ты посмел... – негодуяще упрекнула я его.

– Э... э... Знаешь что! – оборвав меня на полуслове, выкрикнул он невпопад, сопя ноздрями и жестикулируя руками в разные стороны. – Ты её не знаешь! – он вышел в коридор, громко хлопнув за собою дверью.

– Мы же тебя хорошо встретили, когда ты у нас гостил, мы готовили специально для тебя национальные блюда, угощали тебя! – выпалила я ему вдогонку. – Стояли днями на кухне, чтобы тебя удивить, показывали тебе все достопримечательности нашего края!

Я снова подошла к Оле.

– А что случилось? Почему он набросился на тебя?

– Я ему сказала... что он...

– Не плачь, Олечка, всё будет хорошо, я ему не позволю тебя обижать. Надо позвонить маме...

– Мама звонила, когда тебя дома не было, – не дав мне договорить, тихо пролепетала она.

– А почему ты мне не сказала? – спросила я с удивлением.

– А я забыла.

– Тогда сами перезвоним ей, – попросила я её.

– Это очень дорого.

– Ну хорошо, но надо всё рассказать маме, понимаешь? Зачем жить с таким человеком, который тебя бьёт и меня обманул с деньгами? Если б знала, так сама поменяла бы их. Хочешь, поедem домой вместе? Дома же хорошо, правда? – сказала я, обнимая её.

– Когда я к нему приехала в Данию, он меня в первый же вечер побил и замахнулся на меня стулом, – стала рассказывать она со слезами на глазах.

– А почему ты молчала, ничего не говорила нам? – спросила я.

– Я не хотела, я боялась.

– Не плачь, – сказала я тихо, прижимая её к себе и поглаживая по головке... как тогда... в детстве... в нашем дворе, когда она бежала и, упав, разбила себе коленку... так горько плакала маленькая девочка в цветастом платице и в белой панамке... как тогда я вытирала ей слёзки своей ладошкой... поцеловав её в щёчку, мы по ступенькам стали подниматься домой... Как давно это было...

– Потом поговорим, я устала... – она встала и ушла к себе в комнату.

Я вышла в коридор прикрыть дверь. На лестнице слышались его шаги, они уходили вниз эхом, потом затихли. Я прошла в комнату Танечки и посмотрела в окно... Тёмно-синие воды... Небо тучами заволочено... Белые птицы сидели на море в плескавшиеся волны... И снова взлетали...

XIV

Мы жили в районе аэропорта в небольшой двухкомнатной квартире – это был своего рода городок, где в основном проживали лётчики с семьями. Позже он стал обустроиваться и расти – образовался центр с широкой улицей под названием «Проспект Чкалова», простиравшийся до самого центра города; вокруг выросли школы, садики, кинотеатры. Городок стал неотъемлемой частью столицы с разницей: близко расположенной взлётной полосой... со взлетающими и заходящими на посадку самолётами... с полевыми цветами лётного поля.

Квартира была у нас маленькая, и родители отдали свою спальню мне под детскую комнату: там стояла моя детская кроватка, а рядом на стенке висел гобеленовый коврик с детским мотивом – маленький белокурый мальчик, с голубыми глазами, в синих шортиках с лошадкой на палочке. Мне было уже пять лет, и я уже научилась ездить на двухколёсном велосипеде, в то время как мои сверстники ещё катались на трёхколёсном «лисапед»; я сама выстригла себе чёлку большими ножницами, которые я нашла у бабушки в комод. Все говорили, что я очень спокойный ребёнок по сравнению с другими детьми, а многим я казалась застенчивой. А я просто молчаливо анализировала их, взрослых, ведь я была уже большая!.. Так считала я сама... Так казалось мне

самой... В моём детском мире, окружающем меня.

В детском садике было шумно, одни дети играли в игрушки в детском уголке, а в нашей старшей группе сидели на стульчиках и слушали сказку, которую читала нам наша воспитательница. Я со своей подружкой Анечкой Романовой сидела рядом: она с моего двора, и мы в одинаковых платяницах. Вот уже приходят родители за своими любимыми чадами, я тоже смотрю в коридор в ожидании. В дверях появился мой папа! Все посмотрели на моего папу в лёгкой форме, и я важно пошла к нему, затем побежала на радостях, а папа, взяв меня на руки, приподнял высоко... высоко и обнял крепко... крепко...

Мы с папой медленно шли из садика домой через наш детский дворик. Мой детский садик находился прямо во дворе нашего дома. Я держала папу за руку и смотрела по сторонам.

– А ты что молчишь? Расскажи, как прошёл день в садике? – спросил меня папа.

– У меня головка болит, – ответила я и взялась ладошкой за свой лобик.

– Сейчас поглажу, и пройдёт. Где болит, покажи, – сказал он и погладил меня по головке.

– А почему мама не пришла за мной? – спросила я немного плачущим голосом. Меня обычно забирала из садика мама, пока папа был на работе.

– Это секрет! Сейчас узнаешь, когда придём домой, – ответил папа, и глаза его радостно засияли.

– Мама купила мне новую куклу? – обрадовалась я.

– Да... Ждёт дома! – сказал он и улыбнулся, погладив меня снова по головке.

Войдя в наш подъезд, папа почему-то стал быстро подыматься по лестнице и тянуть меня за руку.

– Давай как спортсмены: раз и два, раз и два. – Он открыл дверь ключом.

– Снимай сандалии и иди помой руки, – сказал он, потом взял меня за руку и осторожно повёл меня в детскую комнату. Проходя через зал, я заметила, что дома тихо и не как обычно. Мы вошли в мою комнату, папа тихонько подвёл меня к детской кроватке, которую я до сих пор никогда не видела у себя в комнатке. Я подошла ближе и стала смотреть на мою новую куклу.

В кроватке лежал младенец с закрытыми глазками и, немного причмокивая губками, красиво спал. Я смотрела во все глаза, ничего не понимая... Почему-то я смотрела на головку ребёночка, и мне показалась она большой, больше, чем у моих кукол. Я внимательно разглядывала младенца, который так неожиданно появился у меня в комнатке, – глазки, крошечный носик, маленькое ушко, которое немного виднелось из-под шапочки. Он лежал, закутанный в белое вышитое одеяльце с розовым атласным бантом.

– Знаешь, кто это, Мариночка? Это твоя младшая сест-

рѐнка! – сказал папа, присев около меня на корточки, улыбка сияла на его лице. Я молча стояла и смотрела то на папу... то на новорождѐнную сестрѐнку... и молчала... Внимательно смотрела на младенца, который лежал в новой детской кроватке... в моей комнатке... долго смотрела... тихо смотрела... зачарованно...

После полудня жара начала уже спадать, и душистый аромат цветений перемешивался в воздухе с золотистыми лучами солнца. Мы все вышли на прогулку: мама везла коляску впереди себя, а я шла рядом и держалась за папину руку. Моя маленькая сестрѐнка Олечка уже немного подросла, и ей сегодня исполнилось четыре месяца.

Аллея была очень красивой: она начиналась от нашего дома и вела в сторону рощи; с одной стороны находилось озеро, а с другой за небольшим леском начиналось лѐтное поле, огороженное высокой металлической решѐткой; вдоль аллеи росли цветущие кустарники, а за ними розоцветные деревья. Летом, когда спадала жара, все семьями медленно прогуливались по ней; после знойного дня вечерняя прохлада перемешивалась с запахами цветущей черѐмухи и жасмина, с короткими новостями при встрече знакомых – все нарядно одеты и, степенно прогуливаясь, разговаривали между собой и кивали друг другу в знак приветствия, бросали слегка оценивающий взгляд на встречных прохожих, при этом удовлетворенно вздохнув, что одеты не хуже других. Мама

как-то заметила папе, что все разговоры в основном про одно и то же: «Про работу! Все обсуждают своих начальников или коллег», – сказала она смеясь.

Молодые влюблённые пары, семейные с детьми, пожилые пары и одинокие, с внуками и без – всех можно было встретить на этой аллейке встреч и свиданий, аллейке семейного счастья и весёлого детства, которое бегало рядом с родителями, чирикавая, как воробушки. А я подбегала всё время к веточкам черёмухи и нюхала её цветочки. На мне был костюмчик в морском стиле – белоснежная кофточка с белыми волнами на голубом воротнике и синяя юбочка в складку, белые сандалики с белыми гольфами, а из-под юбки виднелись белые панталончики. Я старалась не отставать и всё время подпрыгивала, пытаясь заглянуть вглубь коляски, мою сестрёнку совсем не было видно из-за красивых кружев и ажурного одеялка.

– Мариночка, возьми за коляску другой ручкой тоже, – сказала мне мама, наклонившись ко мне, она нежно погладила меня по головке.

– Пошли помедленнее, – обратилась она к папе. Я очень обрадовалась и взялась за ручку коляски, как мама! Но в это время вдруг послышался плач моей сестрёнки, мама нагнулась над коляской и поправила соску, которая упала рядом на подушечку.

– Уснула, и соска выпала из ротика, – пояснила мама, и мы не спеша пошли дальше, но снова раздались сначала звуки

всхлипывания, которые голосом сопрано постепенно усиливались в крещендо – «мелодию младенца», как в шутку называла мама.

– Наверное, уже проснулась, не хочет больше спать, – сказал папа.

Мама приподняла Олечку и удобно посадила её, примостив около неё подушечку и одеялко. Теперь она тоже могла вместе с нами смотреть на окружающие её цветы. Я снова взялась за коляску, и снова раздалось хныканье.

– Держись, держись, – сказала мама и стала опять давать соску нашей ляльке, но соска молниеносно вылетела, описав в воздухе дугу, и упала на одеялко, а крик моей младшей сестрёнки усилился ещё больше, при этом она стала вытягивать свои ручки в мою сторону, растопыривая свои пальчики. Мы остановились, и мама, поправляя соску одной рукой, другой стала покачивать коляску, а мне пришлось отпустить руку с ручки коляски, за которую я так крепко держалась, и вдруг... неожиданно для всех... крик утих!

Мы пошли дальше, а я опять взялась за коляску, и снова раздался плач... я отпустила руку... плач утих! Мама улыбнулась: «Ну ладно, иди рядом, только не отставай. Видишь, какая, уже с характером!» Папа держал меня за руку, и мы все вчетвером продолжили нашу прогулку по нашей белой аллейке, ведущей от дома до парка, обрамлённой благоухающими жасмином и черёмухой.

XV

– Почему вы поругались в тот день? Что случилось? – спросила я.

– Это не я... это он, – раздражённо изрекла она. – Он сказал, что у них там пришло к власти новое правительство, и стал хвалить их, а я сказала, что они дураки! Ну... В общем, из-за политики, мы часто ругаемся на этой почве.

– Да?... А... Понятно, – только и смогла я выговорить. – А это так важно в семейной жизни?..

– Ненавижу их! – гордо вздёрнув свой крутой подбородок с ямкой, она медленно процедила сквозь зубы.

– Кого, простите? Правителей чуждого нам государства?... – опешив от такого «политического взгляда» моей сестры, я остановилась как вкопанная и попыталась переварить услышанное.

«Кто бы мог подумать! Кому расскажу, ведь никто не поверит!» – с удивлением подумала я про себя, но вслух не произнесла. Мы молча пошли дальше...

Немного прогулявшись по городу, мы пошли домой, но мне хотелось ещё походить.

– Я похожу сама немного, посмотрю ещё, дорогу я знаю, не переживай, – сказала я Оле.

– Ладно, я пойду за дочкой в садик, уже пора забирать её, – ответила она и, развернувшись, быстрыми шагами по-

шла вперёд.

Я решила выйти с главной пешеходной улицы и походить по маленьким переулочкам, так сказать, посмотреть на город с другой стороны. Мне как туристу всё было интересно: посмотреть музеи, саму архитектуру города и другие достопримечательности. Походив немного, я решила передохнуть и зашла в маленькое кафе; устроившись за свободный столик возле окна, я заказала себе стакан сока и стала смотреть по сторонам. Было очень уютно и спокойно, тихо играла незнакомая мелодия, посетителей было мало, напротив меня сидели две девушки. Они играли в какую-то игру, бросая кубик, пили незнакомый мне напиток из высоких бокалов и закусывали орешками из общей чашечки, которая стояла посередине стола, и негромко смеялись; иностранная речь приятно лилась из их уст и завораживала моё восприятие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.